© 1991 г.

А. М. АНФИМОВ

ТЕНЬ СТОЛЫПИНА НАД РОССИЕЙ

На съездах народных депутатов СССР и РСФСР все чаще по разным поводам стали вспоминать имя П. А. Столыпина и его земельную реформу. И это не случайно. Неудивительно и то, что время с 1907 г. до начала первой мировой войны в истории России, обычно называемое периодом столыпинской аграрной реформы, представляется (главным образом писателями и публицистами) чаще всего временем подъема и процветания России, а страна — богатой и могущественной. В годы неурядиц и бед всякое общество невольно пристальнее прежнего вглядывается в свое прошлое. И, оценивая свое настоящее положение, находит в прошлом некий период, который и нарекает своим «золотым веком». Труженики пишущего цеха облекли это смутное представление в красочные образы, привели, в частности, убедительные (как им кажется) доказательства процветания российской деревни в указанные годы, а творца аграрной реформы — Петра Аркадьевича Столыпина — наделили столь высокими качествами и нарекли столь громкими историческими титулами, каких он не имел ни при жизни, ни после своей трагической гибели.

Восторженные тона в речах о дореволюционной России характерны и для крупных писателей, и для журналистов. А. Солженицын говорит о России начала XX в. как о «богатой и цветущей стране», где «спокойное сожитие наций», их «дремотное неразличение», неколебимость норм православия рождали высшую гармонию¹.

Писатель Б. Можяев, возражая журналисту Вере Ткаченко, пишет, что «выдерживать столь длительное время и войну, и революцию нищее государство не может. А известно ли В. Ткаченко, что к 1917 году изо всех воюющих держав одна Россия не знала карточной системы?»² (что, конечно, абсолютно не соответствует фактам).

Да что там домыслы В. Ткаченко о бедности России, когда страна, по словам писателя Д. Жукова, занимая второе место в мире по экспорту хлеба, угрожала вообще экономически оттеснить США на второй план. В его воображении родилось следующее умозаключение. «На первом месте по-прежнему оставались Соединенные Штаты, — пишет Д. Жуков в предисловии к книге В. В. Шульгина. Но на Уолл-стрите понимали, что рано или поздно их монопольному положению придет конец. И тогда были приняты самые решительные меры... Прежде всего решено было убрать носителя идеи сильной России»³. От того же автора узнаем, что глава известного банкирского дома «Кун, Леб и К°» на Уолл-стрите Яков Шиф якобы собрал среди американских капиталистов «на борьбу с царским правительством» 12 млн. руб., из которых 1, 5 млн. «были собраны специально для организации покушений на Столыпина»⁴.

Анфимов Андрей Матвеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института истории СССР АН СССР

112

Перед нами и впрямь комическая ситуация, о которой напомнил сам Д. Жуков в книге о Козьме Пруткове. Дед Козьмы оставил потомкам запись о том, как некогда в присутствии короля невеста знатного кавалера спросила его: «Скажите, господин мой, что к чему привешено, собака к хвосту или хвост к собаке?»⁵

Относительно опережения Америки (я пока исключаю тут «собаку, привязанную к хвосту») Д. Жукову вторит известный публицист А. Сабов, сообщивший читателям «Литературной газеты» о том, что «в 1909—1913 годах Россия растила хлебов больше, чем Аргентина, Канада и Америка вместе»⁶.

Подогретый прессой интерес к личности Столыпина и проводимым им преобразованиям нашел отражение в ряде выступлений участников съездов народных

депутатов разных уровней. Начало пропаганде успехов столыпинской реформы было положено, пожалуй, выступлением на Первом съезде народных депутатов СССР первого секретаря Иркутского областного комитета КПСС В. Полякова. Оратор, сетуя на недостаток людей в области, напомнил о благословенном времени столыпинского правления, когда переселенцы из Европейской России добровольно ехали в Сибирь, заметив при этом, что, к его сожалению, личность Столыпина у нас недооценивается.

Притягательный образ Столыпина предстал перед депутатами того же съезда в выступлении В. Г. Распутина, который процитировал фразу из речи Столыпина во II Государственной думе после выступления главы социал-демократической фракции И. Г. Церетели: «Не мною сказано, но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: „Вам господа, нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!“» (здесь небольшая неточность, эта фраза звучит так: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»). Эти слова были встречены аплодисментами народных депутатов.

Точку зрения другой части депутатов отразил член Верховного Совета СССР киевлянин Ю. Н. Щербак, сразу понявший из речи В. Г. Распутина, что последний процитировал слегка подгримированные слова Петра Аркадьевича Столыпина, этого, по выражению Ленина, „обер-вешателя, черносотенца и погромщика“. «Эти слова премьер-министра царской России, — сказал Щербак, — были высечены на памятнике, стоявшем в Киеве и уничтоженном украинским народом после революции. Осторожнее нам надо быть со словами. Я не хочу идти в будущее с девизом махрового реакционера, не признававшего права народа на самоопределение... » 7.

Редакции газет и журналов часто не утруждают себя проверкой сообщаемых им данных. Но когда прессой, как источником, пользуются экономические советники высших государственных руководителей, поставляя им для выступлений непроверенные факты, то это чревато, мягко говоря, большими издержками. Так, например, случилось, к сожалению, с докладом премьера Российской Федерации И. С. Силаева на Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР. Повторив почти дословно слова А. Сабова, И. С. Силаев сказал: «В период с 1909 по 1913 год русское производство главнейших видов зерновых превышало на 28 процентов продукцию Аргентины, Канады и Америки, ведущих производителей зерна, вместе взятых. <... > Чего же мы достигли, — продолжал он, — предав анафеме и имя Столыпина, и его аграрную реформу. Вновь говорим мы об избытке главнейших хлебов, но только не у нас, а у тех вместе взятых, которые в начале века Россия превосходила на 28 процентов»8.

Оставим пока в стороне «преданное анафеме» имя Столыпина и разберемся в производстве и экспорте зерна Россией и тремя «вместе взятыми» странами. К радости Д. Жукова, действительно есть подтверждения того, что Россия по наращиванию производства хлебов шла впереди: между 1903 и 1913 г. оно увеличилось в России на 36, 9%, а в США — всего лишь на 28, 5%. Но эта радость окажется преждевременной, если указать на следующие цифры:

113

Производство и вывоз хлебов в 1913 г.'

	Население (тыс. чел.)	Производство хлебов		Вывоз		Остаток в стране	
		всего (тыс. П. УД.)	на душу (пуд.)	тыс. пуд.	в %к произ	Всего (тыс. пуд.)	на душу (пуд.)
Аргентина	7988	742	93	529	7	2133	26
на		936	,0	609	1,3	27	,7

Канада	7541	8868	11	2024	2	684	90
США	9878	41	7,6	91	2,8	350	,8
Итого...	1 114310	6	67	360	5,	6010	60
Россия	178 905	370 636	,2 70,0	450 1 092	7 13,7	186 6 ,8	50,4
		8000413	31,5	550 663	11,8	907 863	27
		5636601		465		4973 136	,8
в % к	156,	70,5	45	60,7		72,0	46
итогу	5		,0				,0

* Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 19)7, С. 3, 6, 108, 111.

в 1913 г. США на 79 млн. человек населения произвели зерна 6,4 млрд. пуд., а Россия на 178 млн. чел. — 5, 6 млрд. пуд.

Однако происхождение сведений, которые сообщил нам И. С. Силаев относительно того, что русское производство главнейших видов зерновых превысило производство Аргентины, Канады и Америки, «вместе взятых», весьма загадочно. В 1913 г., по официальным данным, эти страны, «вместе взятые», произвели 8 млрд. пуд. зерна, а Россия — 5, 6 млрд., т. е. не больше всех трех на 28%, как утверждает И. С. Силаев, а меньше на 30% 9. Данные о вывозе хлеба из России и трех упомянутых стран мы свели в таблицу. Первые две графы ясно показывают, что Россия, превосходя все три страны Нового света по численности населения более чем в полтора раза, произвела в среднем по урожайности в 1913 г. немногим более двух третей общего сбора хлебов трех других стран. Отставание России особенно наглядно выражается при подушевой раскладке урожая. Если в трех странах вместе производилось на душу 70 пуд. хлеба, то в России — всего лишь 31, 5 пуд., или менее половины (45%). Что касается вывоза хлебов, то, действительно, Россия к началу мировой войны экспортировала хлеба больше, чем любая из трех стран американского континента, превзойдя даже Аргентину с ее полумиллиардным вывозом, причем этот вывоз у нее составил почти три четверти произведенного зерна. Меньше всего эта доля была у США — всего лишь 5, 7%, т. е. вывезли Штаты почти вдвое меньше России.

Вывоз хлеба из России был огромен. Однако за счет чего это достигалось? Оказывается, за счет форсированного уменьшения запасов хлеба внутри страны. Остатки в трех странах вместе составляли 50 пуд. хлеба на душу, а в России — 28 пуд. (только в Аргентине остаток был меньше на 1 пуд, но это объясняется тем, что статистика производства зерновых по этой стране была неполна — учтены только пшеница и кукуруза).

Вслед за премьером И. С. Силаевым имя Столыпина стало упоминаться в речах и других депутатов Внеочередного съезда. На это обратил внимание гость Съезда народный депутат СССР Ю. Д. Черниченко 10.

Депутат В. Д. Попов, директор совхоза из Иркутской области, заявивший о политике советского правительства по отношению к селу «как грабительской» и о необходимости установления равного права любых форм хозяйства, включая и фермерские, «но без купли-продажи земли», обращаясь к И. С. Силаеву, сказал: «Вы начали свой доклад с упоминания о реформе Столыпина. Я скажу, мы бы Вас приветствовали, если бы наконец-то, через 80 лет в Российском государстве появился новый премьер, который делает такие реформы»¹¹. Председатель Ростовского агропрома Н. И. Кушнаренко, противник частной собственности на землю, предлагая референдум по вопросу о ней, сказал по поводу выступления И. С. Силаева: «Иван Степанович, обратившись в док-

114

ладе к опыту земельной реформы Столыпина, забыл упомянуть, что премьер-реформатор отпускал крестьян на отруб с лошастью и сохой, а сегодня у нас и этого нет»¹

Одобрительно отзывался о столыпинской реформе и депутат из Вологды, член

парламентской комиссии по национальным вопросам Р. М. Смирнов, сказав так: «Каждый талантливый народ внес в реформу и дело Столыпина свою лепту... Нам говорят, что крестьяне распродадут землю и пропьют ее. Во время Столыпина тоже одна треть крестьян продала и прогуляла свою землю. Но часть крестьян своих наделов не продала и дала основу для роста сильных, талантливых хозяев, скооперировавшихся и кормивших не только Россию, но и страны Европы»¹³.

Не останавливаясь на ряде других выступлений на съезде и в прессе по поводу Столыпина и его реформы, выделим речь депутата, начальника политуправления Приволжского военного округа генерала В. В. Тарасова, связанную с вопросом о бедности или богатстве старой России. Он сказал так: «... в общественном сознании страны, и это находит отражение в работе Съезда, создан пропагандистский штамп, своего рода клише о том, что якобы до революции Россия была процветающей страной, обеспечивала себя хлебом и кормила народ. Тот, кто серьезно занимается историей России, знает, что Россия до революции была очень бедной, отсталой во всех отношениях страной. Рост производства, на который сегодня ссылаются, в основном происходил за счет иностранных и прежде всего французских займов. И недавно мы узнали, что нашим внукам, видимо, придется выплачивать 30 млрд. долларов французам, а за ними вслед поднимутся и немцы, и другие, которые предъявят счета за эти „успехи“. Кабальные в то время торговые договоры с Германией обусловили низкие цены на русский хлеб. Чтобы содержать правящие классы, приходилось вывозить много хлеба, что приводило к систематическому голоду. Это все знают»¹⁴.

Прося прощения у читателей за длинное цитирование, укажем, что, нарисовав эту в общем верную картину (о частных неточностях не говорим), оратор в подтексте хотел убедить аудиторию, что в бедственном положении Россия оказалась по вине частной земельной собственности, насаждавшейся Столыпиным. Но это вызвало другую реакцию. Выступивший следом депутат СВ. Сироткин усмотрел в словах Тарасова подтекст: «Генерал Тарасов, — сказал он, — произнес гневную филиппику против попыток распустить колхозы, покушаться на их собственность»¹⁵.

Простолыпинскую позицию заняли «Наш современник»¹⁶ и газета «Россия», орган Верховного Совета РСФСР. Напомним, что политическим рупором Столыпина была также газета «Россия», выходившая в 1905—1914 гг., это был орган Министерства внутренних дел, пользовавшийся дурной репутацией как издание реакционного, черносотенного характера.

Газета «Россия» 22 ноября 1990 г. поместила статью Рэма Петрова «Петр Столыпин: одиночество реформатора». Статью венчает изображение герба рода Столыпиных с девизом: «Deo spes mea» («Бог — надежда моя»), портрет «самого» (во фраке, высокий лоб, строгий взгляд, нафабранные усы колечками), и семейный портрет. Из вводного пояснения редакции узнаем, что статья помещается в газете в связи с открывающимся через неделю Внеочередным съездом народных депутатов РСФСР, созываемым главным образом для обсуждения земельной реформы. «Управлять такой страной, как Россия, невероятно трудно — и тем не менее возможно». Ведь управляли же другие, и успешно управляли. Вот, например, Столыпин... Посмотрим, какие результаты деятельности Столыпина привлекли внимание автора этой статьи и какие личные качества этого реформатора он ставит в пример народным избранникам.

Поверим, что автору приходилось трудно, поскольку готовил он свою статью, буквально «продираясь сквозь нагромождения штампов, умолчаний и искаже-

ний». Этим предупреждением читателю выдается гарантия, что в статье указанных губителей правды не будет. Обратимся же к деяниям Столыпина. Автор прав, что указ от 5 октября 1906 г., уравнивший крестьян с другими сословиями во многих правах, упоминается у нас редко, и это очень огорчительно. Упоминайся он чаще в публицистике, то миллионы людей знали бы, что, будучи вынужденным дать некоторые права всем

крестьянам в ходе революции, чтобы в том числе и подавить движение народных масс, царизм сохранил сословный строй, в системе которого они были низшим сословием. Поэтому никакими «гражданами свободной России» крестьяне не стали, как на это указал нам в очередной апологетической телевизионной передаче о Столыпине в программе «Слово» 20 февраля 1990 г. писатель Святослав Рыбас. Все эти авторы почему-то умалчивают о таких деяниях Столыпина, как введение 19 августа 1906 г. военно-полевых судов, за что революционеры мстили ему, и разгон 3 июня 1907 г. II Государственной думы. По новому, уже столыпинскому избирательному закону в III Государственную думу представительство крестьян было резко сокращено, приняв в этой Думе формально-декларативный характер (21% депутатов при 80% крестьян в общей массе населения). Если закон от 5 октября 1906 г. формально и «уравнял», как считает автор статьи, крестьян в правах, то закон от 3 июня 1907 г. попросту отобрал их недолго существовавшие избирательные права.

Переходя к оценкам столыпинских аграрных преобразований, Р. Петров решил несколько просветить читателей, давно забывших об общине в России: «Чем была община?» — задает он риторический вопрос и утверждает, что была она, оказывается, «группой крестьян, объединенных совместной обработкой земельных наделов», т. е. чем-то вроде наших ТОЗов в 20-е гг. Учитывая такой уровень компетенции автора, можно было и не продолжать полемику с ним, тем более, что читатели могли или не заметить этой несурзности или посчитать ее простой опiskeй, результатом спешки — ведь статья-то нужна была к сроку, к Съезду депутатов. Но в статье есть сюжеты, которых весьма полезно коснуться в связи с речами некоторых депутатов на съезде.

Столыпин, утверждает Петров, освободил крестьян от крепостничества. Но он умолчал о том (а, возможно, и просто не знал), что оставалась основа этого крепостничества — огромные помещичьи латифундии, кабалившие крестьян, стало быть, оставалась и основа полукрепостной зависимости. И борьба против крупного землевладения была «гвоздем», самой сутью неизбежной новой буржуазно-демократической революции. А политика Столыпина в конечном счете сводилась к защите и сохранению этого землевладения. Иначе и не могла быть. Наивно думать, что Столыпин радел за народ.

Посмотрим на позицию автора. «Казалось, — пишет он, — отнять у помещиков землю да поделить — и кончится бедность с голодухой; и кто мог объяснить завидующим, что даже тотальное, по всей России земельное перераспределение земли в пользу бедных неспособно сколь-нибудь заметным образом улучшить положение крестьян?» Рассуждая таким образом, автор сам становится в позу защитника неотчуждаемости («неспособно») помещичьих земель, т. е. на точку зрения Столыпина. Как будто бы и не было в нашей истории нэпа, когда такое перераспределение состоялось и способствовало быстрому росту сельского хозяйства, причем без «голодухи». А таких людей, «кто мог объяснить», было немало. Достаточно вспомнить выкладки генерала Золотарева, который считал, что мужику вполне хватит и 5 дес, и либерала Прокоповича, соглашавшегося на 8 дес. на двор, а не хватит у правительства казенных земель — чуточку можно отрезать у помещиков, конечно, не бесплатно, а по «справедливой» оценке 7. А заплатит тот же мужик, «ен достанет». Так же рассуждают некоторые наши Стародубцевы: создавайте государственный земельный фонд, селите на этих землях фермеров, но не троньте колхозы и совхозы. «Не трогая» помещичьих земель, Столыпин провел законы о свободном

выходе из общины и выделах из земли к одному месту в виде отрубов и хуторов. И автор прав, говоря, что Столыпин «стал у истоков рождения российского фермерства». Не один В. И. Ленин называл эту идею революционной. П. Б. Струве писал: «Столыпин был крупным человеком. Своей аграрной политикой он совершил крупный сдвиг в русской жизни. И сдвиг поистине революционный... » 18. Цитируя Струве, автор справедливо выделил его слова, что с реформой Столыпина «в один ряд могут быть поставлены лишь

освобождение крестьян и проведение железных дорог». Но тут мы встречаемся с парадоксальной ситуацией (причем не столь уж редкой в истории), когда в одном человеке странным образом уживаются противоположные начала, например, революционность и реакционность, возвышенные цели и низменная жестокость. Память высвечивает образы Петра I, искоренявшего варварство варварскими методами, Ивана IV, Сталина, столь же ненавистного нам своей жестокостью, сколь ненавистными были для огромного числа современников Петр I и Иван IV. У Столыпина не те масштабы, так как он был всего лишь премьер при самодержце. Вопрос: какая из черт и на какой стадии у кого из них брала перевес. Обратимся к Столыпину.

Р. Петров не показал результатов проводимой Столыпиным реформы, ограничившись указанием, что он «оставил стране 200 000 прекрасных хуторских хозяйств; четверть всех крестьян страны смогла сбросить с себя ярмо общинной уравниловки».

Заметим прежде всего, что 200 тыс. хуторов от общего числа 14, 6 млн. крестьянских хозяйств (на 1916 г.) составляли всего лишь 1, 4%, или 1110 часть. А как себя чувствовали остальные крестьяне?

Историкам-профессионалам известно, что еще при жизни Столыпина его курс на создание единоличных отрубных и хуторских хозяйств путем выделов земли из общинных наделов начал искажаться и поворачиваться в сторону раздела на единоличные участки целых селений. Этот, казалось бы, безобидный крен сделал не кто иной, как ближайший сподвижник Столыпина А. В. Кривошей (будущий премьер врангелевского правительства в Крыму). Узнав о начале указанного процесса, Л. Н. Толстой незадолго до ухода из Ясной Поляны в 1910 г. назвал эту меру «выгораживанием чуланчиков» и призвал члена Государственного совета А. Д. Адамова протестовать против этого 19. Когда в марте 1910 г. Столыпин одержал пиррову победу, введя по 87-й статье земство в шести западных губерниях, игнорируя правых Государственного совета, они этого ему простить не могли. Поняв это и находясь, мягко говоря, в подавленном настроении, Столыпин не оказал ни малейшего сопротивления принятию Положения, которое исподволь (еще с 1906 г.) готовилось крайними реакционерами А. С. Стишинским и вышеупомянутым А. В. Кривошейным. В мае же 1911 г. они решили, что их час настал. Неслыханное дело — Государственному совету потребовалось всего лишь два заседания, чтобы одобрить важнейший закон, скромно названный «Положением о землеустройстве» (бы утвержден царем 29 мая 1911 г.). Это был момент торжества Кривошеина, распоряжения которого делить землю на «чуланчики» уже всюду проводили в жизнь землеустроительные комиссии. Теперь уже не требовалось никаких документов на укрепление земли в частную собственность — землеустроители разделили землю на отруба и ты — хозяин этого «чуланчика», хотя с выделенной землицей можно было с трудом выжить семейству. Но ты — собственник, и в таком случае ты на равных с соседом-помещиком, у которого пятьсот, тысяча или даже сто тысяч десятин.

Именно в этом, т. е. в укреплении чувства собственности, состояла основная идея законопроекта Стишинского—Кривошеина. И была она в тех условиях утопической.

С общинами, в которых не было переделов с 1861 г., по закону от 14 июня 1910 г., объявившему крестьян подворниками, не церемонились, делили землю

117

без их согласия. С другими же хотя и были осложнения (вроде порок розгами «зачинщиков беспорядков»), тоже управлялись.

Что же получилось в итоге? К 1 января 1915 г., т. е. за 8 лет, на надельных землях плюс помещичьих, купленных крестьянами с помощью Крестьянского банка, было образовано 329 тыс. хуторов и 995 тыс. отрубов, а всего — 1324 тыс. единоличных хозяйств. От 14, 6 млн. дворов (по переписи 1916 г.) эти отруба составляли 9, 1%, а хутора соответственно — 2, 3%.

Согласно обследованию землеустроенных хозяйств в 12 уездах разных губерний,

проведенному небеспристрастными чиновниками земельного ведомства в 1913 г., оказалось, что третья часть их это — «опавшие» хозяйства, сведения по которым статистики даже не стали включать в дальнейшую разработку. Но чтобы оставшиеся 200 тысяч хуторов были «прекрасными», как считает Р. Петров, это более чем сомнительно.

Маркс как-то заметил, что никакие крупные преобразования невозможны без экономической помощи господствующего класса. В 1861 г. при освобождении крестьян русские помещики, поняв ответственность момента, согласились на то, чтобы их долги дореформенным банкам по залогу крепостных душ в сумме 425 млн. руб. были вычтены из выкупных сумм, получаемых за освобождение крестьян. Это позволило правительству организовать беспримерную по масштабам финансовую акцию, так называемую выкупную операцию.

В ходе столыпинской реформы ничего подобного уже не было. Жертвенность и альтруизм дворян-помещиков канули в вечность, капитализм пробудил в них тягу к «золотому тельцу», тем более что старые барские привычки остались, требуя новых затрат.

Р. Петров ссылается на благотворную деятельность Крестьянского поземельного банка, якобы оказывавшего помощь своим заемщикам-крестьянам. Для пущей убедительности он приводит даже суммы этой помощи, правда, почему-то с 1906 г., когда столыпинская реформа даже не начиналась, и по 1910 г., когда она еще не кончилась. Оказывается, за это время 157 561 заемщику банк назначил ссуд на сумму 12410 032 руб. Но, к сожалению, автор не потрудился вывести среднюю сумму ссуды, а она равнялась 78 р. 76 к. За такую ссуду не то что хутор или ферму, но и одной десятины нельзя было купить, так как десятина земли в описываемое время (1907—1914 гг.) обходилась крестьянам в 102 руб.

Чистой выдумкой Петрова является то, что будто бы «крестьяне получили более 400 миллионов рублей от Крестьянского банка». Они от банка не получили ни копейки, потому что назначенные суммы ссуд плюс крестьянские доплаты наличными шли только продавцам земли, а крестьянам оставалось платить долги по этим ссудам. И они в течение восьми лет выплатили банку за оказавшиеся в залоге земли (12 млн. дес.) немалую сумму — 578 млн. руб., включая 13 млн. руб. пени за просрочку платежей.

Кстати, о просрочках платежей: именно по этой причине банк отобрал у неаккуратных плательщиков 540 тыс. дес. земли, а другими словами, разорил ни много ни мало как 54 тыс. своих «фермеров».

Словом, вместо поддержки деревни во время ее трудной перестройки, намеченной Столыпиным, усилилось выжимание соков из деревни, которое продолжается в России до наших дней. Росли земельные цены — со 104 руб. в 1904 г. до 136 руб. в 1914 г. за десятину. Однако за проданную землю от Крестьянского банка помещики в 1907—1914 гг. получили 1042 млн. руб. Росли арендные цены. Если общая сумма арендной платы в 1907 г. составляла 250 млн. руб., то в 1914 г. — 370 млн. руб., а всего за эти годы землевладельцы выкачали из деревни в виде арендной платы 2, 5 млрд. руб. На 30% увеличились налоги, особенно косвенные, т. е. государство изъяло из тощих крестьянских карманов круглым счетом 5 млрд. руб. за 8 лет.

Помощь новым собственникам, по словам Р. Петрова, была значительной. Он, например, указал, что 117997 домохозяев получили каждый безвозврат-

118

ные пособия в среднем по 260 руб. Мы о таких не знаем. Известно другое: хуторянину на «домообзаведение» могла быть выдана ссуда не более 150 руб. Но, как показало обследование 1913 г. в 12 уездах, ссуды получили лишь 16% хозяйств, а средняя сумма их составила 109 руб. Какова бы ни была курсовая разница рубля, одно совершенно ясно: большинство образованных Столыпиным единоличных хозяйств было обречено, они были брошены государством, предоставлены сами себе²⁰.

Экономист В. Селюнин и некоторые другие допускают возможность продажи земли

крестьянам. В. Селюнин даже считает эту процедуру чисто «техническим приемом» разгосударствления производительных сил. Этот урок российские крестьяне уже проходили, купив после реформы 34 млн. дес. земли. «Чисто технически» можно, конечно, считая по ценам 1906—1914 гг., еще раз взять за эту площадь 4 млрд. 400 млн. руб., но прежде чем сделать это, надо как минимум хорошо подумать.

Чтобы еще выше поднять Столыпина в глазах читателя, Р. Петров, вероятно, сам того не зная, совершает, мягко говоря, и другие некорректные подходы. Укажем на некоторые из них. Например, он заявляет, что «премьер-реформатор подготовил и провел закон о всеобщем начальном образовании». На самом же деле, когда Столыпин ушел в мир иной, этот законопроект болтался где-то между Государственной думой и Государственным советом, а в 1912 г. отклонен последним. Р. Петров утверждает, что премьер Столыпин «реформировал суды в сельских местностях, избавив крестьян от помещичьего произвола...» Эта его фраза нарочито (или неосознанно) туманна. В «сельских местностях» были и оставались только волостные суды, по существу незаконные. И то, что Столыпин оставил нетронутым этот рудимент давнего крепостного права, еще раз показывает неравноправное, приниженное положение крестьянства по сравнению с другими сословиями. Что же касается избавления крестьян от произвола помещиков, то это уже от лукавого, так как помещики никакого отношения к волостным судам не имели. И еще один пример «затуманивая проблемы». Петров пишет, что реформатор Столыпин «восстановил земские принципы самоуправления». На самом же деле большую, чем Столыпин, ненависть к земскому самоуправлению, испытывал только, может быть, министр внутренних дел В. К. Плеве, которого ранее постигла та же судьба, что и Столыпина. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с деятельностью Столыпина в бытность его саратовским губернатором. При этом нельзя не вспомнить нашумевшее дело о знаменитом балашовском погроме, вина за который прочно закрепилась в широких общественных кругах именно за Столыпиным. Вместо того, чтобы оцепить казаками здание в г. Балашове, где проходило собрание земских врачей губернии, и оградить таким образом их от бушующей толпы, губернатор вывел их на площадь, якобы пытаясь провести к вокзалу, а там в них полетели камни, один из них угодил в парализованную руку незадачливого губернатора; своими палашами били врачей и казаки.

Но, говоря о «восстановлении земских принципов», может быть, автор имел в виду введение Столыпиным земств в шести западных губерниях? Однако любому старшекласнику известно, что, руководствуясь откровенно националистической идеей, Столыпин ввел здесь земство, чтобы обеспечить перевес голосов русских помещиков над польскими, несмотря на большинство последних в этих губерниях, а не в интересах развития демократии. Эта акция и была началом конца политической карьеры Столыпина.

Статья Р. Петрова содержит поразительные фактические ошибки, и одна из них никак не способствует возбуждению симпатий к Столыпину, как того хочется автору. Так, автор сообщает, что «военно-полевыми судами было казнено за все время их существования 7163 террориста...» На самом деле в течение шести месяцев существования военно-полевых судов ими приговорено к смертной казни 1102, а повешено и расстреляно 686 человек. Кроме этих судов к смертной казни приговаривали постоянно действовавшие военно-окружные

суды. Обоими этими судебными установлениями по официальным сведениям за время с 1905 по март 1909 г. было приговорено к смертной казни 4797, а повешено и расстреляно 2353 человека 2, или по 995 казней в год. До этого цифра казненных за 80 лет 1826—1906 гг. (как на то указывает А. И. Солженицын) составляла 984 человека, т. е. по 11 казней в год. Русь, где казнь человека была до XX в. редчайшим явлением, столыпинским режимом приучалась к массовым репрессиям. Никто еще не подсчитал, сколько было без суда арестовано участников волнений, осуждено к тюремным заключениям, содержанию в арестантских ротах, сколько тысяч так называемых «аграрников» (крестьян) было отправлено

в ссылку за Урал.

Не будем здесь повторять основанные на вымысле дифирамбы Р. Петрова Столыпину типа такого, что последнему принадлежит идея создания Международного парламента (он и свой-то парламент, т. е. Государственную думу, презирал), ну а то, что Столыпин в некотором смысле «предвосхитил и создание ООН» (!?), это, конечно, весьма лихо сказано.

Ни к чему повторять сентенции автора в разделе статьи «Столыпин любил Россию». Пресса не сообщала ни об одной его встрече с деятелями русской культуры, с простыми русскими людьми, о посещениях выставок русских художников. Не было этого. (А об инородцах Столыпин и слышать не хотел.) Он не любил Россию. Все свои имения, которые располагались в Нижегородской и Саратовской губерниях, Столыпин продал, и ранее никогда не заботился об их благоустройстве. Осталось лишь выигранное его отцом в карты имение Калноберже в Ковенской губернии, где он проводил летние отпуска. Управляющий имением был немец. Столыпин восторгался восточнопрускими хуторами, когда раз в год ему приходилось проезжать мимо них по дороге в свои земли.

Мы отвлеклись, конечно; от статьи Р. Петрова, но ее замысел уже понятен. «Либеральные реформы плюс сильная власть» — так назван один из разделов статьи. При этом приводятся слова Столыпина о совмещении либеральных, реформ и сильной власти. В следующем разделе — «Деспотия или путь к свободе» — развивается мысль о том, что во имя свободы приходится смириться и, скрепя сердце, пережить период деспотии (конечно, во имя свободы!). И лукавое «или» в названии ни к чему. По мнению Р. Петрова, Столыпин являл собой лучший тип руководителя страны, который, хотя и деспот, но «за демократию».

Статья эта не выяснила результаты столыпинских преобразований. Во-первых, оставляя в неприкосновенности монопольное землевладение крупных помещиков, нельзя было обеспечить новых собственников-«фермеров» земельной площадью, достаточной для организации рационального хозяйства²³. Во-вторых, новые собственники были оставлены практически без помощи государства. Нельзя же считать реальной помощью сумму в 32 млн. руб., предложенную в качестве ссуды шестой части хуторян, по сравнению с 8, 5 млрд. руб., выкачанными из земледелия государством и помещиками. В-третьих, не могло родиться свободное фермерство при отсутствии демократии, в обстановке жестокого полицейского террора, массовых арестов, ссылок и казней. И, наконец, «о любви к России». Р. Петров опустил одну важную деталь: Столыпин любил «Великую Россию», где все подданные в будущем говорили и думали бы по-русски и не помышляли жить в каком-либо другом государстве, кроме «единой и неделимой». А тень Столыпина над сегодняшней страной все гуще и темней.

Примечания

1 См.: Советская культура. 1990. 18 октября.

2 Можаяв Б. Не взирая // Огонек. 1988. № 26. С. 24.

3 Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина // Шульгин В. В. Дни. 1920. М. 1989. С. 23.

4 Там же. С. 25.

5 Жуков Д. Козьма Прутков и его друзья. М., 1983. С. 12.

120

6 Литературная газета. 1990. № 39.

7 Цит. по: Огонек. 1989. № 27.

8 Российская газета. 1990. 29 ноября.

9 Урожай 1903 года. Вып. 1—2. СПб., 1903; Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России. Вып. 1. СПб., 1913; Вып. 2. СПб., 1914. Расчеты автора.

10 Российская газета. 1990. 2 декабря. 1' Там же.

12 Там же. 1990. 30 ноября.

13 Там же. 1990. 1 декабря.

14 Там же. 1990. 4 декабря. 15 Там же.

16 См., Например, посвященную Столыпину хвалебную и безграмотную в экономическом смысле статью И. Дьякова под знаменательным названием «Забывтый исполин» (Наш современник. 1990. № 3).

17 См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 209.

18 Струве П. Преступление и жертва. // Русская мысль. 1911. Кн. 10. С. 138.

19 Новые люди. 1910. 22 марта.

20 Сегодня депутат М. И. Лапшин на Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР говорит, что при запланированном одном миллиарде «на обустройство одного хозяйства собираются тратить 40 тысяч рублей. Это смехотворно мало!» (Российская газета. 1990. 1 декабря).

21 Литературная газета. 1990. № 18.

22 Русское богатство. 1909. № 4. С. 80—81.

23 Во многом это напоминает ситуацию наших дней: колхозы и совхозы оказались новыми монополистами земли, ставшими препятствием на пути создания фермерских хозяйств. Советам для фермеров приходится искать бросовые или брошенные земли.

Когда этот номер журнала выйдет в свет и ляжет на стол читателя, автору статьи «Тень Столыпина над Россией» Андрею Матвеевичу Анфимову исполнится 75 лет. Редколлегия и редакция не могут обойти молчанием эту знаменательную дату.

А. М. Анфимов пришел в историческую науку закаленный фронтовыми испытаниями и трудными годами учения в послевоенном Московском университете. Автор более полутора десятков работ, посвященных аграрной истории России XIX—XX вв., среди которых шесть фундаментальных монографий; составитель и редактор двух томов широко известной документальной серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. » и документального трехтомника «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (составитель первых двух и редактор третьего тома), А. М. Анфимов широко известен в стране и за ее рубежами как один из ведущих историков-аграрников.

Инициатор организации Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и бессменный член его оргкомитета всех 23 сессий, проведенных начиная с 1958 г., А. М. Анфимов—преемник и продолжатель традиций «великих стариков» — Н. М. Дружинина, С. Д. Сказкина и В. К. Яцунского — стоявших у истоков этого неформального координационного научного центра, объединяющего все творческие силы историков—аграрников нашей страны. Зачинателю ряда дискуссий по кардинальным вопросам истории российского крестьянства и аграрного развития страны, ему приходилось в полной мере испытать радость утверждения исторической правды в науке и горечь поражений, когда аграрной историей страны командовал небезызвестный С. П. Трапезников. В благоприятных условиях освобождения исторической науки от командно-бюрократического диктата сложившаяся анфимовская школа аграрной истории нашей страны развивается и набирает силу.

Поздравляя Андрея Матвеевича с 75-летием и желая ему доброго здоровья, редколлегия и редакция выражают уверенность, что он еще долгие годы будет работать в исторической науке с тем молодым полемическим задором и той щепетильной преданностью исторической правде, какие он блистательно продемонстрировал в публикуемой нами статье.